

Как это начинается

«Ну же, давай, давай...»

Пэм не отрывает глаз от табло «Пристегните ремни безопасности», напряженно ожидая, когда оно погаснет и можно будет освободиться. Она долго не вытерпит, в ушах у нее до сих пор звучит голос Джима, чуть ли не до самой посадки уговаривавшего ее остаться: «Ты же сама знаешь, Пэм, у тебя слабый мочевого пузырь, о чем ты вообще думала, черт побери?»

На самом деле она просто не осмелилась воспользоваться туалетной комнатой в аэропорту. Что, если она столкнется с одним из тех футуристических туалетов, о которых читала в путеводителе, и не сможет за собой смыть? Или запрется в кабинке, а потом не сможет вовремя открыть замок и опоздает на свой рейс? Подумать только, а ведь Джоани предлагала ей несколько дней посмотреть Токио, прежде чем лететь в Осаку! От одной мысли о том, чтобы в одиночку бродить по чужим улицам, и без того влажные ладони Пэм становятся мокрыми от пота — она даже в здании аэропорта чувствовала себя потерянной. Испуганная и вспотевшая после перелета из Форт-Уэрта, она, как изможденный гигант, едва переставляя ноги, тащилась к терминалу 2 на пересадку. Мимо нее проплывал непрерывный поток подтянутых фигур. Люди вокруг непринужденно размахивали чемоданами и, пряча глаза за темными стеклами очков, казалось, излучали энергию и уверенность

в себе. Она же, втискиваясь в автобус, который вез их к самолету, физически чувствовала каждый килограмм собственного багажа и краснела всякий раз, когда кто-нибудь смотрел в ее сторону.

В рейсе на Токио, к счастью, было много других американцев (например, сидевший рядом славный молодой человек, который терпеливо объяснял ей, как пользоваться видеосистемой), но в этом самолете, как Пэм с болью в сердце осознала, она была единственной... Как там говорят в бесконечных детективных шоу, которые обожает Джим? Представительницей белой расы, вот как. И сиденья здесь оказались намного меньше — она была втиснута в кресло, словно селедка в банку. Но тут, по крайней мере, было свободное пространство между ней и деловым с виду парнем, который сидел ближе к проходу, и не приходилось беспокоиться, что она может случайно его задеть. Хотя все равно придется побеспокоить его, когда она будет протискиваться к выходу, чтобы сходить в туалет. Господи, похоже, парень собирается поспать, а это означает, что придется его будить...

Самолет продолжает набирать высоту, и табло упорно не желает гаснуть. Она вглядывается в темноту за иллюминатором, видит пробивающийся сквозь облако мигающий ярко-красный огонек на крыле и, схватившись за поручень кресла, чувствует, как внутри отдается гул самолета.

Джим был прав. Она еще даже не добралась до пункта назначения, а уже была более чем сыта этой затеей. Он предупредил, что она не приспособлена к длительным путешествиям, пытался убедить ее, что это в принципе плохая идея: «Джоани может сама в любой момент прилететь домой, Пэм, так зачем заморачиваться тем, чтобы облететь полмира, лишь бы только повидаться с ней? И с чего это ей вдруг так хочется учить азиатов? Американские дети что, недостаточно хороши для нее? К тому же, Пэм, тебе даже наша китайская еда не нравится, так как же ты собираешься питаться там сырым мясом дельфинов, или что они там, черт возьми, едят?»

Она уперлась тогда, настояла на своем, не придав значения его неодобрению и удивив Джима тем, что так и не отступила. Вот уже два года как Джоани уехала, и Пэм было просто необходимо увидеть ее: она ужасно по ней скучала, а по тем фотографиям, которые видела в Интернете, небоскребы Осаки не отличались от небоскребов нормальных американских городов. Джоани предупреждала, что местная культура может поначалу озадачить, что Япония — это не только цветущая сакура и гейши, загадочно улыбающиеся из-за своих вееров, но Пэм решила, что сможет с этим справиться. Она глупо полагала, что поездка станет своего рода забавным приключением, которым она еще долгие годы сможет хвастаться перед Ребой.

Самолет выравнивается, и наконец-то табло, предупреждающее о ремнях безопасности, гаснет. Впереди заметно оживленное движение: это несколько пассажиров вскакивают со своих мест и устремляются по проходу в сторону туалетных комнат. Молясь, чтобы там не было очереди, Пэм отстегивает ремень и сдерживает себя, чтобы аккуратно пройти мимо парня у прохода, не зацепив его, как вдруг раздается страшный грохот. Пэм сразу приходит в голову мысль о хлопке обратной вспышки, как в карбюраторе автомобиля, но ведь у самолетов такого не бывает, правда? Пэм вскрикивает — запоздалая реакция на испуг, из-за которой она чувствует себя довольно глупо. Это все пустяки. Удар молнии, вероятно. Да, конечно, так и есть. В путеводителе сказано, что в грозу такие вещи случаются...

Еще один удар — на этот раз он больше похож на выстрел. Из передней части салона слышатся приглушенные выкрики. Табло «Пристегните ремни безопасности» вспыхивает снова, и Пэм хватается за ремень, но пальцы не слушаются ее, и она вдруг забывает, как застегивается этот замок. Самолет проваливается вниз. Невидимая тяжелая рука давит ей на плечи, и кажется, что кто-то пытается вывернуть ей желудок через горло. Уф... Этого не может быть! Только не с ней! Подобные вещи

не случаются с такими, как она, с простыми людьми. С *хорошими* людьми. Резкий толчок, тарыхтят крышки ящичков для багажа над головой, а затем самолет, похоже, успокаивается.

Какой-то писк, непонятный лепет по-японски, затем: «Просим всех оставаться на местах и пристегнуть ремни безопасности». Пэм снова задышала нормально — голос в репродукторе звучит спокойно и безмятежно. Это не может быть что-то серьезное, нет никаких причин для паники. Она пытается заглянуть через спинки кресел, чтобы посмотреть, как другие пассажиры реагируют на происходящее, но видит только макушки склоненных голов.

Пэм опять хватается за подлокотники. Вибрация самолета усилилась, руки уже заметно трясутся, а через ноги ощущается вызывающая тошноту пульсация. В щели между креслами перед ней появляется глаз, наполовину прикрытый челкой иссиня-черных волос, — это, должно быть, маленький мальчик, которого перед самым отлетом протащила по проходу строгая молодая женщина с густо накрашенными губами. Ребенок тогда смотрел на нее как зачарованный (она еще подумала: можете что угодно говорить об азиатах, но дети у них просто прекрасны, они как нераспустившиеся бутоны). Она помахала рукой и усмехнулась, но мальчик не ответил. Потом мать что-то рявкнула, и он послушно скользнул на свое место и исчез из поля зрения. Она пытается улыбнуться, но во рту пересохло, губы прилипли к зубам, а вибрация — о Господи! — усилилась еще больше.

Вниз по проходу между креслами, обтекая ее, плывет белесый туман, и Пэм ловит себя на том, что бессмысленно нажимает на интерактивный экран перед собой, неловко теребя наушники. Этого не произойдет. Это не может случиться прямо сейчас, уф... Нет, нет и нет! Если бы ей только удалось заставить экран заработать, если бы удалось посмотреть кино, что-нибудь успокаивающее — например, вроде той романтической комедии, которую она смотрела по дороге сюда, где еще игра-

ет этот... ну как его... в общем, Райан, фамилию не вспомнить. Самолет вновь отчаянно кренится — такое ощущение, будто он перекачивается из стороны в сторону, вверх и вниз, — и ее желудок опять выворачивается. Она судорожно сглатывает: «Ой-ой, не хватало только вырвать!»

Бизнесмен рядом с ней встает, взмахивая руками, когда самолет бросает из стороны в сторону, — похоже, он хочет дотянуться до шкафчика над головой, но не может удержать равновесие. «Что вы делаете?» — хочется крикнуть Пэм. У нее такое чувство, что если он не сядет, то ситуация только ухудшится. Тем временем вибрация становится настолько сильной, что это напоминает ей случай, когда в стиральной машине сломался какой-то там стабилизатор и обезумевшая техника в буквальном смысле принялась скакать по полу. Из тумана, хватаясь за спинки кресел, выплывает стюардесса. Она жестом просит бизнесмена сесть, и тот смиренно плюхается на свое место. Потом лезет во внутренний карман пиджака, вытаскивает оттуда сотовый телефон и, упершись лбом в спинку кресла впереди, начинает что-то говорить в трубку.

Она должна сделать то же самое. Она должна позвонить Джиму, сказать ему о Снуки, напомнить, чтобы он не давал ей тот дешевый корм. Она должна позвонить и Джоани... Но что она ей скажет? Что может задержаться? Пэм едва истерически не рассмеялась. Нет, нужно сказать, что она ею гордится, но... А тут вообще телефоны работают, есть ли сигнал? Или нельзя пользоваться телефоном, потому что это может помешать работе навигационной системы самолета? И нужно ли вставлять кредитную карточку, чтобы заставить работать наушники с микрофоном на спинке сиденья?

И где, собственно, телефон? В поясной сумке вместе с деньгами, паспортом и таблетками или же она положила его в чемодан? Почему она не может запомнить такие элементарные вещи? Пэм тянется за сумочкой. Такое ощущение, что желудок раздавлен о позвоночник. Ее сейчас вырвет, она это точно знает...